

УДК 343.1

**НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО
В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ:
ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

А. Ю. Астафьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 марта 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу напутственного слова судьи как речевого акта. Рассматривается проблема коммуникативной компетентности судьи. Утверждается, что процессуальное взаимодействие судьи и присяжных происходит в определенном дискурсивном пространстве, где ключевую роль играют психолингвистические факторы.*

Ключевые слова: *председательствующий судья, напутственное слово, речевое воздействие.*

Abstract: *this article analyzes the judge's summing as a speech act. The author considers the problem of communicative competence of the judges. The paper argues that the procedural interaction between presiding judge and jurors takes place in a particular discursive space, where the key role is played by psycholinguistic factors.*

Key words: *presiding judge, summing-up, linguistic impact.*

Суд присяжных в России с момента своего появления остается предметом непрекращающихся дискуссий. Сожаление вызывает то, что многие исходные посылы критики суда присяжных методологически ошибочны. Участие представителей общественности в уголовном судопроизводстве, вопреки распространенному мнению, не искажает сущность правосудия, не превращает его в «суд улиц». Противники данной формы судопроизводства склонны преувеличивать значение усмотрения присяжных заседателей, тогда как между коллегией и председательствующим нет статусного равенства. Как и при рассмотрении дела в обычном порядке, руководящая роль в суде присяжных принадлежит председательствующему, и от него во многом зависит правильность и полнота понимания присяжными обстоятельств уголовного дела.

Процессуальное взаимодействие судьи и присяжных происходит в определенном дискурсивном пространстве, где ключевую роль играют психолингвистические факторы. Наряду с коммуникативной стороной их общения, которая сводится к обмену информацией, большое значение имеет и перцептивная сторона – восприятие субъектами общения друг друга. Судья должен постоянно анализировать свое вербальное и невербальное поведение, стремиться воспринимать себя глазами присяжного заседателя, в некоторой степени уподоблять себя присяжному.

Вплоть до удаления в совещательную комнату для вынесения вердикта присяжные лишь в незначительной степени участвуют в ходе судебного

разбирательства. Их роль как субъектов процессуальной коммуникации крайне ограничена. В судебном дискурсе присяжные заседатели являются, прежде всего, *объектом* речевого воздействия председательствующего и сторон. Для сторон целью такого воздействия является убеждение присяжных, для председательствующего – информирование и разъяснение. В свою очередь, присяжные, передавая через старшину председательствующему изложенные в письменном виде вопросы, обращаются к подсудимому, потерпевшему, свидетелю, эксперту за получением необходимой им информации. Основной целью обращения присяжных к председательствующему является разъяснение им тех или иных вопросов (п. 2 ч. 1 ст. 333, ч. 5 ст. 340 УПК РФ) либо необходимость получения фактических данных, когда присяжные, вернувшись из совещательной комнаты, обращаются к председательствующему с просьбой о дополнительном исследовании обстоятельств уголовного дела (ч. 5 ст. 344 УПК РФ). Таким образом, разбирательство дела в суде присяжных включает различные коммуникативные модели, в одних из которых присяжные выступают *адресатами*, а в других – *адресантами* речевых сообщений.

Любой речевой акт представляет собой форму воздействия на адресата сообщения. Коммуникация без речевого воздействия возможна лишь при непонимании адресатом сообщения передаваемой ему информации (в силу незнания языка, сложности его восприятия и т.д.) либо в условиях высокой энтропии, т.е. речевых помех. Эффективность языкового воздействия определяется целью, которую преследуют участники коммуникативного акта. Несмотря на то что убеждение присяжных не является непосредственной целью председательствующего, указывая присяжным на недопустимость поведения сторон, объясняя, какие доводы сторон не должны учитываться ими, напоминая в напутственном слове об исследованных доказательствах, более подробно излагая некоторые обстоятельства дела, он оказывает влияние на формирование внутреннего убеждения присяжных. Важно, чтобы это влияние было положительным, способствовало вынесению взвешенного и непредвзятого решения присяжными.

Любое имеющее процессуальное значение речевое сообщение судьи, адресованное присяжным (напутственное слово, разъяснения, даваемые присяжным в ходе процесса), должно отвечать трем главным критериям: 1) доступности присяжным в терминологическом и содержательном отношении; 2) объективности, подразумевающей точность изложения положений закона, фактических обстоятельств уголовного дела, доказательств, исследованных в суде; 3) информативности – качеству, характеризующему полезность, практическую ценность сообщаемых сведений для присяжных. Председательствующему необходимо стремиться к полноте и точности высказывания, однозначности его понимания присяжными, отделяя главное от второстепенного.

Безусловно, направляющее воздействие председательствующего на присяжных осуществляется, главным образом, при произнесении судьей напутственного слова. Напутственное слово – основной коммуникативный акт председательствующего и присяжных, в котором последние остаются

пассивной стороной. УПК РФ не предусматривает для присяжных возможности задавать вопросы председательствующему в ходе произнесения напутственного слова. После же окончания выступления судьи присяжные по собственной инициативе крайне редко обращаются за разъяснением. Поэтому одинаково важны как формальная правильность, соответствие напутственного слова требованиям уголовно-процессуального закона, так и его информативность, доступность для восприятия присяжными, что заставляет судью с максимальной тщательностью и ответственностью подходить к подготовке напутственного слова. Строго говоря, разделить правовой и лингвистический аспекты в данном случае вряд ли возможно.

Общие требования к содержанию напутственного слова установлены в УПК РФ и скорректированы судебной практикой. Самостоятельно судье приходится работать над структурой напутственного слова (композиция выступления), семантическими и стилистическими особенностями своей речи. Вполне очевидно, что напутственное слово не должно изобиловать юридической терминологией, сложными синтаксическими конструкциями. Вместе с тем излишнее упрощение, чрезмерно подробное изложение содержания нормы закона может вызвать чувство неполноценности у присяжных, что в конечном счете ведет к нежеланию следовать разъяснениям председательствующего¹.

Цель председательствующего – добиться абсолютного понимания присяжными. По результатам исследования, проведенного Университетом Лондона по инициативе Министерства юстиции Великобритании, двое из трех присяжных заседателей при вынесении вердикта не понимают того, что говорит им судья, и используют Интернет для получения дополнительной информации. В частности, большинство присяжных заявили, что им необходимо больше разъяснений, на основании чего именно необходимо принимать решение². Отмеченная проблема не зависит от специфики уголовного судопроизводства отдельно взятой страны, поскольку

¹ См.: Гулевич О. А. Психологические основы юриспруденции : учеб. пособие. М., 2009. С. 380. Директивная форма объяснения («основывайте решение на своем представлении о...», «используйте следующее понятие...») считается неэффективной. Вместо этого рекомендуется использовать иной метод изложения, когда судья показывает, что понимает присяжных, однако советует им действовать иначе, чем обычно (подробнее см.: Гулевич. О. А. Психология в суде присяжных (аналитический обзор). М., 2003. С. 100 и др.).

² См.: *Adam Gabbatt*. Most jurors do not understand judge's legal advice. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2010/feb/17/jurors-dont-understand-legal-advice> (дата обращения: 13.12.2014). В зарубежной литературе не раз поднимался вопрос об адекватности пониманию присяжными происходящего в зале суда (см.: *Heffer Ch*. 'If you were standing in marks and spencers': narrativesation and comprehendsion in the English summing-up // *Language in the legal process* / ed. by Janet Cotterill. Basingstone: Pallgrave Macmillan, 2002. P. 228 ; *Dumas B. K*. Reasonable doubt about reasonable doubt: assessing jury instruction adequacy in a capital case // *Language in the legal process* / ed. by Janet Cotterill. Basingstone: Pallgrave Macmillan, 2002). В последней работе на примере конкретного дела рассмотрена проблема непонимания присяжными значения юридических терминов.

не является по своей сути правовой и актуальна для суда присяжных в целом как формы речевого взаимодействия.

Процессуальные рамки общения судьи с присяжными предполагают ограниченный набор используемых председательствующим речевых тактик, т.е. приемов, позволяющих достичь целей речевого воздействия. Следствием юридических ограничений являются определенные ограничения лингвистического характера. Тем не менее логико-языковой анализ текстов напутственных слов позволяет говорить о различиях в речевых тактиках, к которым прибегают судьи.

К. Хеффер, проанализировав тексты напутственных слов английских судей, пришел к заключению об использовании судьями двух когнитивных моделей при построении своей речи – парадигматической и нарративной (*narrative mode and paradigmatic mode*). Данные модели (когнитивные модусы) были выделены американским психологом Дж. Брунером. Первую из них отличает стремление к идеальным логическим системам описания и объяснения (*striving for ideal logical systems of description and explanation*). Вторая же, напротив, основана на желании понять действия и намерения людей в конкретных обстоятельствах (*striving to understand the actions and intentions of humans situated in place and time*). По утверждению К. Хеффера, когнитивным модусам соответствуют определенные лингвистические формы. При этом языковые приемы, характеризующие нарративный тип, способствуют более полному пониманию речи судьи присяжными³. Несмотря на то что в напутственном слове судьи используются элементы и той и другой когнитивно-языковой модели, нередко возникает необходимость согласования парадигматической формы текста закона с нарративной формой языка повседневного общения (*bridge the gap between the paradigmatic mode of the law and the narrative mode of everyday life*)⁴. Вероятно, не каждый судья осознает эту необходимость, однако в какой степени здесь уместно говорить о неких императивах? Понимание присяжными речи председательствующего является вопросом личной нравственной ответственности последнего. Данная обязанность не может быть возложена на него законом.

Многое, разумеется, зависит от коммуникативной компетентности судьи. Известно, что диалогизация устной речи способствует более успешному контакту с аудиторией. Председательствующий, обращаясь к присяжным в напутственном слове, должен помнить об этом. Обозначая цель отдельных высказываний, призывая присяжных к анализу доказательств, используя иные элементы диалогизации⁵, судья повышает эффективность коммуникации с присяжными, позволяя им почувствовать себя полноправными участниками судебного разбирательства. Внесение

³ См.: *Heffer Ch. Op. cit.* P. 231.

⁴ См.: *Ibid.* P. 241.

⁵ Подробнее см.: *Дубровская Т. В.* О диалогичности жанра «напутственное слово председательствующего» (на материале русского и английского языков) // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение.* 2009. № 35. (173), вып. 37. С. 60–61.

элементов диалога в речь председательствующего способствует установлению контакта с присяжными, что повышает уровень восприятия информации, точность ее запоминания.

Проблемы понимания и оценки присяжными тех или иных сведений крайне многообразны. Причины возникновения некоторых из них заложены в самом законе. Например, требование судьи игнорировать озвученные сторонами сведения о личности подсудимого, способные вызвать предубеждение (прошлая судимость, употребление наркотических средств и др.) либо сведения о недозволённых методах следствия (физическое воздействие на обвиняемого) может привести к противоположному результату: возрастанию внимания присяжных к этим обстоятельствам. Многочисленные психологические исследования зарубежных ученых свидетельствуют именно о таком эффекте разъяснений судьи⁶. В то же время судья обязан дать соответствующие указания присяжным заседателям, подчеркнув, что они не должны обращать внимания на те или иные высказывания участников процесса. Судья связан предписаниями закона, поэтому многие психологические рекомендации, несмотря на свою рациональность и эмпирическую обоснованность, не всегда практически применимы, что отчетливо осознается самими судьями.

В Алтайском краевом суде присяжные после вынесения вердикта оставили на столе в совещательной комнате записку. Судья, постановившая приговор, вспоминала: «...Они по пунктам расписали мотивы своего решения – как раз в большей части о том, что я их просила не обсуждать... не пытаться представить себе, какие еще доказательства можно было бы собрать по этому делу...»⁷.

Уголовно-процессуальный кодекс требует от председательствующего беспристрастности и запрещает выражать собственное мнение (ч. 2 ст. 340 УПК РФ), что не снимает угрозы косвенного, вербального и невербального, *суггестивного* воздействия судьи на присяжных. Суггестия предполагает кодирование сообщения, когда автор (суггестор) использует приемы, которые позволяют ему передать свои мысли в завуалированной форме⁸: намеками, посредством мимики и т.д. Скрытые указания являются формой внушения, в той или иной степени присутствующей любой коммуникации. В. М. Бехтерев на конкретных примерах показал, что внушение представляет собой более распространенное явление, чем убеждение. Последнее действует преимущественно на лиц с развитой логикой, тогда как внушение действует не только на них, но и в большей мере на лиц, обладающих недостаточной логикой, например на детей и

⁶ См.: Майерс Д. Социальная психология : пер. с англ. СПб., 2007. С. 511.

⁷ Белова Н. Г. Некоторые проблемы отбора присяжных заседателей // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2009. Вып. 9. С. 27.

⁸ См.: Недашковская С. И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрлингвистика-5 : юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2004. С. 168.

простолюдинов⁹. Представляется, что степень «внушаемости» присяжных зависит от их интеллекта, возраста, особенностей психики и т.д. При этом в речевом воздействии председательствующего на присяжных убеждение и внушение, на наш взгляд, четко разграничить нельзя.

При произнесении напутственного слова вероятность суггестивного воздействия председательствующего особенно велика. В соответствии с законом в напутственном слове судья напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого, не выражая при этом своего отношения к данным доказательствам и не делая вывода из них (п. 3 ч. 2 ст. 340 УПК РФ), что не исключает возможностей определенного коммуникативного маневрирования. В частности, формами косвенного воздействия могут быть группировка доказательства или более подробное изложение некоторых из них, что не раз отмечалось как в дореволюционной, так и в современной литературе¹⁰.

Собственное мнение представляет собой оценочное суждение говорящего. Прямо высказанное собственное мнение в напутственном слове – грубое нарушение принципа объективности и беспристрастности.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ посчитала, что в судебном заседании был допущен ряд нарушений уголовно-процессуального закона, которые выразились в том, что в напутственном слове председательствующий вменявшиеся Б. обстоятельства нападения на К., в нарушение положений ч. 2 и п. 1 ч. 3 ст. 340 УПК РФ, привел без пояснения, излагая содержание обвинения и, более того, утверждая, что *эти обстоятельства являются сущностью настоящего дела*. Тем самым в напутственном слове он выразил мнение по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей¹¹. Действительно, судья акцентировал внимание присяжных на особой, по его убеждению, значимости отдельных сведений, оценить которые предстояло присяжным.

Определить, что такое *косвенно выраженное собственное мнение*, довольно проблематично. С целью установить, насколько содержание напутственного слова председательствующего могло повлиять на формирование внутреннего убеждения присяжных, заинтересованные участники процесса обращаются к лингвистам, хотя такие случаи пока единичны.

⁹ См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1903. С. 23.

¹⁰ См.: Василенко И. Г. Заключительное слово председателя в суде присяжных. Исследование сравнительно-догматическое. СПб., 1878. С. 109 ; Владимиров Л. Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков, 1873. С. 77, 246 ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 463–464. См. также: Развейкина Н. А. Напутственное слово председательствующего как средство неправомерного воздействия на присяжных заседателей // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5. С. 123–131 ; Насонов С. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных : некоторые проблемы законодательства и судебной практики. URL: <http://sergei-nasonov.narod.ru/Naputstvennoe.doc>

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 18-кпо02-94сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на то что подобные исследования называются лингвистическими экспертизами, правовое их значение сопоставимо скорее с заключением специалиста. Вместе с тем их проведение является юридически корректным способом установить объективность/необъективность судьи. Верховный Суд РФ, оценивая беспристрастность судьи при произнесении напутственного слова, выявляя, выразил ли он собственное мнение по поставленным перед присяжными вопросам, сам проводит в той или иной степени лингвистическую работу. Стандарт объективности напутственного слова при этом отсутствует, поэтому неясно, какие критерии используются для определения того, насколько речь председательствующего могла повлиять на внутреннее убеждение присяжных.

Приведем примеры вопросов, которые ставятся на разрешение экспертов, проводящих лингвистическое исследование напутственного слова.

В каком количественном соотношении между собой находятся в напутственном слове судьи языковые единицы с обвиняющей и оправдывающей подсудимого семантикой?

Содержится ли в высказываниях судьи собственное мнение по вопросам, поставленным перед присяжными заседателями?

Является ли речь судьи назидательной?

Комментирует ли судья конкретные обстоятельства уголовного дела?

Имеет ли речь судьи обвинительный уклон?¹²

Думается, что постановка перед экспертом последнего вопроса не вполне правомерна, во всяком случае не всегда оправдана. Придать обвинительный уклон речи можно сугубо юридическими средствами, например расположением доказательств в определенной последовательности, о чем говорилось выше.

Оценка объективности напутственного слова судьи должна быть своевременной. Стороне обвинения и защиты следует чаще прибегать к использованию своего права на заявление возражений в связи с содержанием напутственного слова председательствующего (ч. 6 ст. 340 УПК РФ). Заявленные возражения позволят присяжным более критично отнестись к сказанному председательствующим. При отсутствии же возражений сторон полагаем необходимым исходить из презумпции объективности напутственного слова. В прежнем Уголовно-процессуальном кодексе содержались положения, исключавшие пересмотр приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных, по мотивам

¹² URL: <http://kemerovo.siberia-expert.com/nvo/prisjazhnye.doc> (дата обращения: 14.03.2014); Голев Н. Д., Морозов А. В. Экспертиза текстов, фигурирующих на суде присяжных // Юрислингвистика-5 : юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, С. 265. Заслуживает внимания следующий вывод эксперта: «Речь судьи Бугровой И. Ю. является назидательной. Это обосновано целью напутственного слова (выделено нами. – А.А.) и особенностями жанра напутственного слова. Данная интенция проявляется и на лексическом, и на грамматическом уровнях: употребление таких лексических единиц, несущих на себе оттенок дидактизма» (URL: <http://kemerovo.siberia-expert.com/nvo/prisjazhnye.doc>).

ву нарушения председательствующим принципа объективности в его напутственном слове, если сторонами не были заявлены возражения непосредственно после произнесения напутственного слова в судебном заседании (ч. 9 ст. 451 и ч. 4 ст. 465 УПК РСФСР). Аналогичное правило сложилось еще в дореволюционный период в кассационной практике Сената: если ввиду отсутствия ходатайств сторон неправильности, допущенные председательствующим, не были отмечены в протоколе судебного заседания, на них нельзя ссылаться в кассационных жалобах или протестах¹³. В УПК РФ такого ограничения нет, что дает сторонам право заявлять возражения *post factum* в своих жалобах. Формулировка закона позволяет Верховному Суду РФ проверять объективность напутственного слова и, соответственно, констатировать нарушение председательствующим принципа объективности, даже если приговор не был обжалован по *данному* основанию. Обе эти возможности должны быть исключены, так как первая допускает злоупотребления сторон своими процессуальными правами, а вторая неоправданно расширяет перспективы отмены приговоров, постановленных на основании вердиктов присяжных. Следует заметить, что Верховный Суд РФ в настоящее время, оценивая доводы сторон о необъективности напутственного слова, как правило, учитывает, были ли заявлены ими возражения по поводу содержания напутственного слова. Тем не менее, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие коррективы в закон, вернув в него указанные выше положения.

Добавим, что повышению качества проверки напутственного слова будет способствовать введение обязательного аудиопроотолирования в уголовном процессе. Напутственное слово – не импровизация, судья фактически зачитывает подготовленный заранее текст, что, естественно, не исключает отступлений от него в устной речи. Вместе с тем Верховный Суд РФ оценивает объективность и беспристрастность напутственного слова, выраженного в письменной форме. При отсутствии аудиопроотола подобная оценка не может быть всесторонней.

Обратимся теперь к такой характеристике напутственного слова, как его информативная ценность для присяжных. Напутственное слово может быть достаточно объемным и произноситься судьей в течение продолжительного времени. Удалившись же в совещательную комнату, присяжные отвечают на поставленные перед ними вопросы, полагаясь на собственную память (при том, что рассмотрение дела нередко занимает многие месяцы) и те письменные записи, которые они могли вести в ходе судебного процесса. Мнемические же способности людей, т.е. точность запоминания материала, неодинаковы. В среднем на слух воспринимается до 20 % озвученной информации. (Тогда как, по существу, все сказанное в напутственном слове значимо для присяжных.) Кроме того, на восприятие устной речи влияют многочисленные факторы: интонация, скорость

¹³ Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1916. Вып. 4. С. 1335.

речи, звуковысотность, тембр голоса, дикция, громкость, наличие или отсутствие дефектов речи.

Передачу текста напутственного слова в совещательную комнату УПК РФ не предусматривает, хотя и прямо не запрещает. Для сравнения: в большинстве штатов Америки разрешается, а иногда и требуется от судей передавать копию напутственного слова присяжным. Имея возможность обратиться к напутственному слову, в котором систематизированы доказательства, исследованные в судебном заседании, и изложены правила их оценки, присяжные, без сомнения, будут меньше задаваться вопросами о правильности услышанного и полноте понятого ими в судебном заседании. По этой причине внесение в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, позволяющей присяжным пользоваться текстом напутственного слова, представляется крайне желательным. Возражения сторон в связи с содержанием напутственного слова также было бы правильным в письменном виде передавать присяжным.

Еще один важный аспект информационного воздействия напутственного слова на присяжных заседателей – исправление в нем судьей намеренного искажения доказательств сторонами. Для обеспечения объективности вердикта присяжных председательствующий в напутственном слове обязан отреагировать на подобные действия сторон.

Так, отменяя приговор Московского областного суда, постановленный на основании вердикта присяжных, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ мотивировала свое решение следующим образом.

Из протокола судебного заседания следует, что адвокат в защиту Сурина в своей речи намеренно исказил доказательства, признанные судом допустимыми. В частности, он обратил внимание присяжных заседателей на наличие отверстий в резинке рогатки, обнаруженной при осмотре места происшествия в 20 см от головы трупа Цвеленовой Н., ставя под сомнение принадлежность рогатки Сурину, пояснив, что на его рогатке отверстий не было.

Между тем отверстия в резинке рогатки, на которые обратил внимание адвокат, были сделаны экспертом при исследовании этого вещественного доказательства. Однако председательствующий не остановил адвоката и в напутственном слове в нарушение требований п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ не разъяснил присяжным заседателям, что они сами должны решить, принадлежала ли обнаруженная на месте преступления рогатка Сурину, с учетом того, что она подвергалась экспертному исследованию, от этого и образовались отверстия.

Кроме того, адвокат обвиняемого неверно изложил показания эксперта П. и свидетеля Сидорова, сказав, что первый «рискнул» предположить возможность образования повреждений на лице потерпевшей от воздействия рогатки, а по словам второго, рогатки были и у других жителей деревни. Из протокола судебного заседания видно, что ни эксперт П., ни свидетель Сидоров таких показаний не давали¹⁴.

Суд должен не опровергать доводы сторон, а пресекать сознательные попытки обвинения и защиты введения присяжных в заблуждение относительно фактических обстоятельств дела, что, разумеется, нельзя

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 мая 2004 г. № 4-О04-60сп // Бюллетень Верховного Суда. 2005. № 5.

рассматривать как выражение судьей собственного мнения. При произнесении напутственного слова судьей необходимо не оценивать доказательства, а указывать на их намеренно ложную интерпретацию, если таковая имеет место. Проблема в том, что далеко не всегда из материалов дела с очевидностью следует факт намеренного искажения сторонами доказательств, поэтому председательствующему надо быть предельно осторожным в выборе формулировок.

В напутственном слове недопустимо приводить примеры из судебной практики¹⁵. Апеллируя к состоявшимся судебным решениям, судья тем самым приводит аргументы в правильности того или иного подхода к рассмотрению дела – аргументы, убедительные для присяжных заседателей, не являющихся юристами. Усмотрение присяжных не должно ограничивать то обстоятельство, что подобные дела рассматривались ранее, поэтому разъясняя присяжным правила оценки доказательств, судье надлежит ссылаться только на закон.

Присяжные, находясь в чуждом для себя процессуально-правовом пространстве, в условиях направленного психологического влияния, не в состоянии в полной мере самостоятельно ориентироваться в окружающем их «информационном поле». Совершенствование производства с участием присяжных заседателей требует не только взвешенного правотворческого подхода, но и **ясной профессиональной установки судей на эффективное взаимодействие с присяжными.**

¹⁵ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 510 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 51-о06-64сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Более того, судья не должен допускать приведения примеров из судебной практики сторонами. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 5-О08-110СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 6.

Воронежский государственный университет

Астафьев А. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

*E-mail: woltgam@rambler.ru
Тел.: 8-950-759-13-63*

Voronezh State University

Astafiev A. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department

*E-mail: woltgam@rambler.ru
Tel.: 8-950-759-13-63*